

**ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ОТНОШЕНИИ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
В 1920–30-Х ГОДАХ (НА ПРИМЕРЕ БССР)**

Д. К. Машарайкина

*Гомельский государственный технический университет
имени П. О. Сухого, Беларусь*

Научный руководитель И. А. Грищенко

С первых дней советской власти стал завязываться трагический конфликт между этой властью и Русской Православной Церковью (РПЦ). Непримируемость большевиков в отношении церкви была основана на двух предпосылках: 1) мировоззренческой несовместимости учения марксизма с религиозной верой; 2) отношением к церкви, как союзнице царизма, а после свержения самодержавия – эксплуататорского строя.

Уже первые постановления советской власти затронули большинство сфер жизнедеятельности церкви. Так, декрет о земле 2-го съезда Советов и основанный на нем декрет о земельных комитетах от 4 декабря 1917 г. касался и церковной, монастырской земельной собственности. Национализация частных банков повлекла утрату хранившихся там вкладов духовенства. В декабре 1917 г. были приняты декреты о передаче всего дела образования, регистрации актов рождения, брака и смерти в исключительное ведение государства [1, с. 72].

В конце 1917 – начале 1918 г. по стране прокатилась серия антирелигиозных акций. Эти акции не остались без ответа Патриарха. Они, а также становящаяся все более кровавой гражданская война, были причиной появления его воззвания к пастве от 19 января 1918 г., в котором большевики и советская власть не упоминались, но оно было воспринято как выражение контрреволюционного настроения.

20 января 1918 г. был принят декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Конституция РСФСР, принятая 10 июля 1918 г., вводила ограничение политических прав в отношении служителей культа [1, с. 73]. Тяжелым ударом для церкви стало полное запрещение в начале 1919 г. преподавания основ всех вероисповеданий детям до 18 лет. Весной этого же года кампания по вскрытию святых мощей принимает массовый характер. На церковь также смотрели как на источник пополнения государственной казны за счет экспроприации церковных ценностей [1, с. 77].

В годы нэпа власти не оставляли попыток подчинить РПЦ, поставив ее под полный контроль. В 1921–1922 гг. ОГПУ разрабатывает операцию по внутреннему расколу и разложению церкви. Результатом станет так называемое обновленческое движение. Либеральное, главным образом белое духовенство, лояльное советской власти, получает поддержку от советского правительства и право создать свое церковное управление и иерархию. После ареста Патриарха Тихона и его вынужденного отказа 12 мая 1922 г. от руководства РПЦ, обновленцы более года доминировали в церковной жизни страны. Однако, когда 27 июня 1923 г. Патриарха освободили, число обновленческих приходов резко сократилось [1, с. 83].

После смерти 7 апреля 1925 г. Патриарха Тихона, местоблюстителем патриаршего престола РПЦ становится митрополит Петр (Полянский), который 28 июля 1925 г. составляет послание, где он выступает против обновленцев, запрещая православным даже присутствовать на их собраниях [2, с. 61–62]. Вскоре, 10 декабря 1925 г., он был арестован, и руководство перешло к митрополиту Сергию (Страгородскому). Тот же в свою очередь после долгих колебаний избрал путь компромисса с советской властью и пошел на уступки,

благодаря чему пускай и не получилось свернуть репрессии в отношении церковнослужителей и верующих, но позволило сохранить церковь как таковую.

На рубеже 1928–1929 гг. произошло существенное изменение всего курса политики по отношению к религиозным организациям [1, с. 87]. 8 апреля 1929 г. был принят декрет «О религиозных объединениях», запрещающий любую церковную деятельность за стенами храмов, кроме посещения больных, умирающих и захоронения умерших. Под контроль государства ставилась вся жизнь религиозных организаций. В мае 1929 г. было внесено изменение в 4 ст. Конституции РСФСР. Теперь вместо свободы религиозной и антирелигиозной пропаганды дозволялась лишь «свобода религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды». В начале 1930 г. «Союз воинствующих безбожников» принял план первой «безбожной пятилетки», который вызвал массовый протест населения. Например, 12 марта 1930 г. в д. Сузаревка Могилевского округа во время снятия икон произошла перестрелка. Арестовано 10 человек. В тот же день в с. Велешкевич Лиозненского района толпа в 500 человек едва не растерзала учителя и рабочих, проводивших перестройку церкви под клуб [3, с. 297–298]. В Гомеле в послереволюционное десятилетие выделялся своей сплоченностью приход Никольской (Полесской) церкви, состоящий главным образом из рабочих и служащих железной дороги. Неоднократно прихожане высказывали свое недовольство антицерковной политикой советских властей. Так, собрание на антирелигиозную тему, которое состоялось 13 апреля 1930 г. в 9-й железнодорожной школе, прошло особенно бурно. Рабочие возмущались закрытием церкви. Частыми были невыходы на работу по большим церковным праздникам: «Не вышел на работу, потому что у меня пасха, и я хожу в церковь и в дальнейшем буду посещать, я родился христианином и умру им». В результате в первый день Пасхи 1930 г. не вышло на работу 60 % всего состава гомельских рабочих. Как отмечается в отчетах ГПУ, «под поповским влиянием» оказались не только беспартийные, но и рабочие члены партии, а посещаемость церкви на Пасху в 1930 г. в Гомеле значительно выросла по сравнению с прошлым годом [4, л. 11–14, 35–38]. Таких примеров в отчетах ГПУ БССР было достаточно.

В августе 1934 г. СНК БССР принял специальное постановление об использовании молитвенных домов под зернохранилище. Сопrotивление населения жестоко подавлялось. Зачинщиков арестовывали, судили, расстреливали или отправляли в лагерь. Уже в декабре 1936 г. под клубы было занято 855 молитвенных домов, отдано под зерносклады или разрушено 1006, пустыми стояли 238 храмов. По данным НКВД БССР, в дореволюционной Беларуси было 1445 православных храмов, 704 синагоги, 148 костелов и каплиц. К январю 1937 г. официально были закрыты 1371 церковь, 633 синагоги, 95 костелов. А к 21 июня 1938 г. действующих церквей осталось только 2 – в Орше и Мозыре [3, с. 298].

Гонения на священнослужителей усилились с началом коллективизации. Уже к 30 мая 1930 г. в БССР было осуждено 93 «церковника», 25 из них расстреляны, 68 отправлены в концлагерь.

Власть в борьбе с церковью использовала налоговое переоблачение духовенства, раскулачивание, установление высоких норм разверстки. Так, священник церкви в Черьвенском районе был обложен налогом в 1972 р., в то время как его доходы при максимальном подсчете не превышали 50 р. в месяц. Злостные неплательщики налогов наказывались строго – от 1 до 5 лет исправительно-трудовых лагерей. А если священнослужитель выказывал хотя бы признаки негодования, наказание увеличивалось до 10 лет [3, с. 300].

Несмотря на жесткий государственный прессинг, вера в народе не умирала. Принятие Конституции СССР в 1936 г. породило в народе некоторую надежду на возвращение храмов. Если в 1936 г. якобы по просьбам «трудящихся» были закрыты 81 церковь, 22 синагоги, 9 костелов, то заявлений на открытие церквей было подано 158, синагог – 51, костелов – 16 [3, с. 303].

6 января 1937 г. при проведении переписи населения по воинским частям, расположенным в БССР, было отмечено сравнительно большое количество военных, заявивших о себе, как о верующих. Верующие были даже в частях НКВД – 21 человек. Всего в рядах Красной армии на территории БССР верующих насчитали 2833 человека [3, с. 303–304].

В конце 1930-х гг. органами НКВД были инсценированы процессы над иерархами православной церкви, против которых было выдвинуто обвинение в шпионской деятельности в пользу германской, польской и японской разведок. В июне–сентябре 1937 г. органы НКВД БССР ликвидировали «шпионско-контрреволюционную организацию» «Белорусская автокефальная церковь» (БАЦ), в которой состояло более 200 человек, 11 из них расстреляли 1 ноября 1937 г. в Минске. По делу архиепископа Тихона (Шарапова) в Гомеле были арестованы все гомельские священники и многие активные прихожане. Более 50 человек были расстреляны в ночь на 1 ноября 1937 г. [3, с. 304–305].

Несмотря на репрессии, религиозные обряды и службы верующие проводили сами, за неимением священника. Так, в Рогачеве женщины ходили по домам и совершали обряды отпевания, крещения детей. В с. Лучино Рогачевского района это делали монахини [3, с. 306].

Борьба государства с церковью имела трагические последствия для советского народа. Коммунистическая идеология не смогла заменить огромный морально-нравственный потенциал, которым обладают тексты Библии. Духовность нескольких поколений, лишенных христианской веры, оказалась ущербной. Последствием борьбы государства с церковью уже в 1930-е гг. стали рост преступности и бытовое разложение. Но самое опасное – происходило обесценивание человеческой жизни, нивелировка личности, чего и добивалась тоталитарная система.

Литература

1. Шкаровский, М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве / М. В. Шкаровский. – М. : Изд-во Крутицкого подворья, О-во любителей церков. истории, 2005. – 423 с.
2. Косик, О. В. Голоса России: Очерки истории сбора и передачи за границу информации о положении Церкви в СССР (1920-е – начало 1930-х годов) / О. В. Косик. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2011. – 280 с.
3. Протьюко, Т. С. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.) / Т. С. Протьюко. – Минск : Тесей, 2002. – 688 с.
4. Отчеты ГПУ о коллективизации, индустриализации, настроениях рабочих Гомеля 1930 г. // ГАООГО. – Фонд 3. – Оп. 1. – Д. 714. – Т. 2.